

Людмила Злобинская (Лупова)

- Специальность: радиопизика.
- Работала: НЭИС: преподаватель; НИИКЭ: с.н.с; малый бизнес: «Фирма Лола», директор.
- Семейное положение: Двое детей, пять внуков, сын закончил ФФ НГУ
- Пожелание однокурсникам:

Никогда: не отчаиваться, не замыкаться в себе, не быть одиноким.

ПОВЕСТЬ О ДРУЖБЕ

Начало

Длинные коридоры первого общежития, где начиналась наша студенческая жизнь, просыпались по утрам, когда хлопали двери пятикоечных комнат. Утренняя беготня заканчивалась за пятнадцать минут до начала занятий, а вечером вновь оживала, когда отягощенные знаниями постояльцы возвращались в свой приют первокурсников. Комната 212 по вечерам встречала девчонок, по воле случая определенных для совместного проживания. Здесь жили: две Тани, Лузина и Иванова, засыпающие с матрицами в голове; Галя Хлызова – поэт и романтик; Люся Сахарова – провинциальная девчонка, не во время заблудившаяся между первым и пятым общежитием и я, никак не желающая взрослеть.

Я не помню, кто из нас, я или Миша проложил первую робкую тропинку между этой комнатой и комнатой на третьем этаже. В нее возвращались по вечерам ребята: Олег Волков, вечно читающий худлит; Саша Хотимский и Юра Стрижко – два одноклассника, приехавшие из Темиртау; неординарный во всех отношениях Сергей Горохов и Миша Башкатов, тщательно избегающий всяких условностей.

Мои соседки, совсем равнодушные к общему быту, никогда не пытались причесать меня под «великую общность советский народ» (чего не скажешь о студ. совете). А у ребят на третьем этаже все-таки велась вялая и непродуктивная борьба с особенным отношением Миши к нормам общественного поведения. То ли отсутствие взаимопонимания

с соседями, то ли оторванность от верной опоры своих матерей привела нас к тому, что мы стали привыкать друг к другу: вместе бежали на первую пару, вместе засиживались в читалке, вместе знакомились с шедеврами кино.

Уже в ноябре Миша женился. Милая и мягкая его жена Лара училась в Барнауле. Ее юный муж иногда, ни слова не сказав, срывался к ней, своим долгим отсутствием заставляя беспокоиться меня и его соседей. Учебные дни пролетали быстро, а по субботам, вдоволь нафихтенголившись и налабораторившись, мы бежали «на восьмерку», и долго пилили на автобусе до города, где в самом центре тогда жила моя мама. Обычно к вечеру там собирались мои друзья, тоже школяры новосибирских вузов. Мои подружки в Мишу влюблялись, для друзей он стал своим. Мама моя удивлялась и скучала, если он не приезжал. Миша ласково называл ее тетя Надя. Жизнь была прекрасна, и все еще было впереди.

Медиана

К концу второго курса семейная жизнь Миши закончилась, мирно, без лишних драматизмов. И пятый семестр он начал девственно холостым. Хороший был семестр! Хоть и постоянно обреченный на борьбу за знания, но уже уважаемый третий курс физфака стабильно учился, женился и шумно встречал праздники. Моя школьная компания стала рассыпаться, и мы чаще стали оставаться в городке. После занятий традиционно бегали в кино, через лес в Юность. Бывало там нетерпеливая билетерша сначала наблюдала, как мой приятель долго ищет и не находит заранее купленные билеты, а потом отправляла нас в кассу, где в те времена перед началом сеанса билетов обычно не было. Иногда вдруг куда-то исчезали разные предметы, находившиеся в зоне его видимости, а потом случайно обнаруживались в совсем неподходящих местах. Рассеянный и лишенный многих комплексов, он был счастливым и молодым. Никакие общественно-резонансные конференции НГУ его не волновали, бурно обсуждаемые политические события конца оттепели его не трогали. Зачеты и экзамены сдавались.

Венцом моей пятой сессии был экзамен у Коткина и Сербо. Невзирая на тяжелый грипп, с высокой температурой и ознобом я явилась на экзамен. Результат был очевиден, хотя великие наши учителя заметили, что я не здорова. Через два дня я его пересдала, но грипп не простил мне такие выкрутасы, и я на полгода свалилась с тяжелым осложнением. Мне ставили всякие страшные диагнозы, при которых долго не живут, но хорошие врачи и молодой организм победили болезнь, правда, позволив ей окончательно сформировать порок сердца. Мишка приезжал ко мне часто, а к концу июня выбил мне в профкоме льготную путевку в дом отдыха «Сосновка». Не желающий меня выписывать из больницы главврач сдался, когда увидел эту путевку, категорически запретив мне рожать и иметь большие физические нагрузки. И я уехала в Сосновку.

Так я отстала от своего курса. Когда я вернулась на свой шестой семестр, Миша уже был на восьмом. Я уже не помню милые и юные лица моих новых однокурсников, потому что моими друзьями тогда и на всю жизнь остались те, с кем я сдавала свои вступительные экзамены.

Весь шестой семестр я жила в четвертом общежитии в «одиночке», так получилось. В четверке тогда было много физиков-пятикурсников. Я быстро с ними перезнакомилась, и мы с Мишей часто вечерами играли с ними в преферанс и в дурака. У Миши тогда разворачивался бурный роман с одной барышней с биофака. Поздним апрельским вечером в холле этого общежития чья-то свадьба превращалась, как это не раз бывало, в веселый послесвадебный кавардак, куда меня и затащили гости молодоженов. Таким же образом там оказался, и пятикурсник Володя Злобинский. Наша встреча состоялась. Узнав об этом, Миша предпринял некоторые действия, похожие на военную разведку. Познакомившись с Володей и выяснив, что он тоже из Барнаула, решил убить двух зайцев сразу: приглядеть немного за мной в приближающиеся праздники и представить свою барышню маме Евдо-

кие Ефимовне. Барышня прихватила подругу, и мы впятером поехали в славный город Барнаул.

Барак

Двор заводского барака, в котором прошло мое детство, был для нас, послевоенной детворы, надежным убежищем, куда мы скрывались от другой оравы малолетних разбойников, где прыгали по крышам сараев, дожидаясь родителей после смены, и куда гордо выбегали с куском хлеба, посыпанным сахаром. Взрослые, как могли, воспитывали нас сообща: накачивали наши велосипеды, мазали йодом разбитые коленки, присматривали за теми, чьи родители были на работе. Они просто всех детей любили. В редкие часы отдыха они играли в домино, что-то строгали или красили. Вместе с нами бурно отмечали религиозные и советские праздники. Всем двором провожали в последний путь, после чего поминки нередко заканчивались песнями, плясками, а иногда и дракой.

Вот точно в таком же бараке нас и встретила Евдокия Ефимовна Башкатова, мама Миши. Ее большая комната наполнилась Первого мая безудержным молодым весельем. Туда собрались ее бесчисленные племянники, наши сверстники, и друзья моего будущего мужа Володи. На другой майский день все они дружно копали огород одной из Мишиных тетюшек, то и дело, возвращаясь к обильному застолью с пельменями, огурчиками и самогоном. Мы, три юные студентки НГУ, не без удовольствия поглощали мужское внимание, весенний запах свежескопанной земли и предчувствие долгой счастливой жизни впереди. Одной из нас была стройная чернокудрявая девушка Надя Северина. Она и станет второй женой Миши.

Семья

В сентябре отшумела свадьба Миши и Нади, в ноябре я вышла замуж за Володю. В июне 1969-го года наши друзья защитили дипломы, а я, нарушив первый запрет врача, родила сына. Мы принесли его в третье общежитие. Меня ожидал пятый курс и защита диплома с грудным ребенком на руках. Разные обстоятельства разлучили наши молодые семьи. Но когда в июне 1972-го года у меня родилась дочь, то мой друг пришел к Володе на помощь. В день моей выписки (другого времени у них не нашлось) они перекладывали впервые в жизни пеленки в съемном углу чужого дома. И за дочерью Володя пришел только к вечеру, позабыв взять пеленки. А мой друг удалился пораньше, и правильно сделал, ибо гнев мой был велик, когда я увидела перемазанный глиной пол, стены и мебель. Редкие встречи семьями закончились в 1973-ем году, когда Миша с Надей огорошили нас решением развестись.

Летом следующего года Миша познакомил нас с Тamarой, вскоре ставшей Башкатовой. Их первенца, маленького Максимку, я осторожно опустила в ванночку, когда его принесли из роддома, радуясь тому, что мой друг стал отцом. Вскоре родилась Наташа Башкатова. Дети росли быстро. Миша любил и своих, и моих детей. Зная, что суббота у меня день рабочий (я работала тогда преподавателем в вузе), он собирал всех наших детей с утра кататься на горке. Вечером за двухсемейным ужином дети наперебой рассказывали, как они неслись с горы, как сломался снежокат, за который дядя Миша отдал половину зарплаты. Ему нравилось возиться с детьми, да и сам он всегда был чуть-чуть ребенком. Жизнь шла как надо. Но быстротечное время уносило годы наших мам, они старели.

Мама

Евдокия Ефимовна обожала своего сына, гордилась им. Она по несколько раз за год приезжала к нему сначала в первое, потом в третье общежитие. Привозила ему какую-нибудь новую рубашку, купленную на с трудом сэкономленные деньги или вновь связан-

ный свитер. Она хорошо и много вязала. Когда годы нашей учебы подходили к концу, она переехала в Новосибирск, и наши мамы подружились.

Они встречались, наливали по-беленькой и о чем-то беседовали. Наверное, о нас, о прожитых годах, о несбывшихся надеждах. Евдокия Ефимовна связала моей маме синий костюм, очень красивый. Она ушла из жизни первой, была старше. Через несколько лет мы с Мишей стояли над могилой моей мамы Надежды Ивановны, почти физически ощущая, что теперь мы заслоняем наших детей от вечности. По просьбе моей мамы я похоронила ее в том самом синем костюме.

Наши мамы так и не рассказали нам, почему мы росли без отцов. Они, вообще, с нами на эту тему не говорили.

1988 – 1991 г.

Когда моему сыну исполнилось десять лет, я нарушила еще один запрет врача, с сыном, мужем и друзьями пошла в горы. После этого меня каждое лето уносило в какой-нибудь горный район, а потом все чаще в пещеры. Летом 1988 года в районе Большого Чимгана на плато Пулотхан мы открыли новую пещеру. Это большая удача и гордость для настоящего спелеолога. И потом каждое лето мы проходили ее все больше и больше, пещера упорно шла вниз. В июне 1991 года мы высадились на плато большой и очень опытной экспедицией, но нам не повезло. В пещере было много воды, работать было нельзя, и мы сдались.

Но в августе, высадились второй раз. Кроме азарта нас подгоняла неуверенность, что в следующий сезон мы сможем нанять вертолет и закончить работу. А нужно было закончить топольку до дна и привязать вход на местности. Работали много, это была большая работа. Вдруг из единственного приемника полилась тревожная и не предвещающая ничего хорошего музыка «Лебединого озера». Только через несколько часов, совсем обалдевший от Чайковского, наш пещерный народ узнал, что в Москве переворот, впоследствии названный августовским путчем.

Все планируемые работы мы выполнили. Пещеру можно было смело регистрировать, она была пятой по глубине во всей Азии. В последний мой выход со дна пришлось пару колодцев идти «свободным». Меня страховал мой взрослый сын.

Миша совсем не принимал моих небезопасных увлечений. Он построил себе дачный домик, копал грядки, собирал урожай до тех пор, пока родной Институт Теплофизики не поручил ему в 1988 году заняться созданием институтской базы отдыха. Он со всей ответственностью оформлял документы на строительство. Потом активно вместе с другими сотрудниками ее строил. Его агрессивное чувство справедливости, неукротимая принципиальность не могли смириться с тем, что он видел на стройке. Он мчался на базу, когда ожидали новые стройматериалы, и готов был стоять за них насмерть, если понадобится.

Постепенно, еще с горбачевских времен, он стал интересоваться политикой. Ему не нравилась загнивающая КПСС, но и с принципами социал-демократии он не соглашался. Его рассуждения по этим вопросам пока еще были мирными, но явно аргументированными идеями марксизма-ленинизма. Он встретил августовский путч в 1991-ом году, активно поддерживая объединение «Коммунистическая инициатива». А в ноябре 1991 года состоялся первый учредительный съезд РКРП. Михаил Васильевич Башкатов незамедлительно стал активным членом этой партии.

Наши жизненные интересы и взгляды на современность стали расходиться.

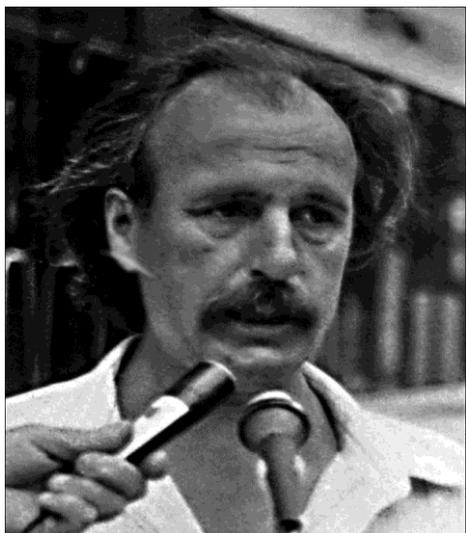
Классовые враги

Начало 1992-го года запомнилось катастрофической нехваткой денег. Отпущенные цены взбесились, и никакой надежды, что они одумаются, не было. Отраслевой институт,

в котором я трудилась, рассыпался, и я была безработной. Зарплату мужу, ввиду отсутствия денег в стране, не выдавали. Нужно было выжить.

И в конце января представительная райисполкомовская комиссия, человек из десяти, разглядывала стоящую перед ними женщину, решительно настроенную добиться у них разрешения на открытие малого швейного бизнеса. Взъерошенная и мало что соображающая в том, на что решилась, я отвечала на их каверзные вопросы: а где Вы возьмете нитки, иголки, ткани, наконец?

Разрешение я получила. А вот купить все вышеперечисленное было ой как нелегко. Повезло. Недавно окончившие физфак молодые люди стали привозить в город сначала нитки, а потом и ткани. Мы сработались. Малый бизнес и тогда, и сейчас – это очень тяжелая работа. Работа, требующая колоссальной трудоспособности, умения общаться с людьми и веры в то, что все трудности преодолимы. Легких денег в малом бизнесе не бывает.

Мало-помалу, к 94-му году дела наладились, появились деньги, фирма была востребована. А я стала представителем мелкой буржуазии.

В это же время активный член РКРП, выпускающий городскую партийную газету «Товарищ», нередко стоящий в пикетах против всего, Миша Башкатов стал настоящим трибуном партии в Новосибирске. Его беспокойная преданность коммунистическим идеям была абсолютно лишена какого-либо приспособленчества. Он по-корчагински верил, что счастье народа – это его коммунистическое будущее, а его сила – рабочий класс.

Иногда он предупреждал, что после митинга около ГПНТБ забежит погреться. Мы тогда жили рядом с этой митинговой площадью. Он забегал. Квартира наполнялась шумом его неостывших эмоций, коммунистическими правдами и яростным спором с моим мужем Володей.

В 1996-м году Миша болезненно переживал раскол в партии. Он не примкнул ни к одной из сторон и стал беспартийным, но всегда был в левом движении. Однако, ожесточенные споры между нами прекратились.

Я не могла понять, где и когда он, никогда не участвующий в спорах нашего политизированного студенчества, принял к сердцу эти идеи, усвоил эту риторику? Разве что, когда мы сдавали историю КПСС?

Распечатав в своей головке чей-то конспект, я была готова к экзамену и набегу в какой-нибудь кинозал. Каково же было мое изумление, когда я увидела в зале общественных наук голову моего друга среди темно-красных томов «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов...» Из пятнадцати томов он освоил только семь. Экзамен сдала только я, и все тут же забыла. А семь томов прочно и надолго осели в голове у Миши, в таких вещах он был очень основательным.

Болезнь

В июне 2007-го года перед внеочередной встречей нашего курса Миша позвонил мне и сказал, что деньги уже сдал и настойчиво попросил меня разобраться в мучившей его системе диф. уравнений. Я ответила, что не помню, не знаю, не соображаю. Через несколько дней просьба опять повторилась, он сильно нервничал. Я не могла забыть этот разговор, стало совсем беспокойно, и я позвонила следующим вечером. Никто не ответил. Мое беспокойство усилилось. Я звонила каждые полчаса до полуночи. Наконец, трубку взял Максим. У Миши случился второй инсульт.

Только стараниями его жены Тамары он остался жив, но не мог уже выходить из дома. Через несколько месяцев умер мой муж Володя Злобинский. Миша плакал. Его жизнь продолжалась в стенах квартиры при заботливом уходе любимой жены. Иногда он заводил разговоры, что мы еще поедem все в его родной Барнаул и пройдемся по местам, где когда-то веселилась наша юность. Я приезжала к нему во все государственные и негосударственные праздники. Когда Мише исполнилось шестьдесят пять лет, приехали его старые друзья Юра Стрижко и Саша Хотимский. Миша говорил в тот вечер мало, в основном слушал. Я знала, что он еще долго будет вспоминать наши голоса. Через год 9-го сентября 2012-го года мы отмечали его день рождения втроем. Он шутил, говорил, что вокруг него одни женщины, а значит все хорошо.

Осенним утром пятого октября 2012-го года я проехала поворот к дому моего друга. Сердце вдруг защемило. Повернуть бы, но в школе на ВАСХНИЛ-е меня ждала внучка-подготовишка. Мысли, что надо бы заехать, поговорить, узнать, как дела тревожно мчались со мной по Советскому шоссе. Я подъехала к школе, заглушила двигатель. Ожил мобильник. Звонила Тамара. Я сразу все поняла.

Эпилог

Зимой 2013-го года Наташа Башкатова, дочь Миши, нашла по интернету сводную сестру своего отца и узнала, как прожил свою жизнь ее дед Непорент Василий Александрович.

Весной 2013-го года, не зная о поисках Натальи, я нашла своих сводных сестер, встретила с ними и узнала, как прожил свою жизнь мой отец Лупов Иван Яковлевич.